

«Вещь мыслящая» — душа или просто тело?

Около трех лет тому назад между учениками Э.В. Ильенкова началась дискуссия о понятии «мыслящего тела» — так Ильенков в своей книге «Диалектическая логика» истолковал Спинозовскую «вещь мыслящую», *res cogitans*. Что является субъектом мышления? Мыслит душа или же тело?

Ильенков приписывает Спинозе мысль, будто «мыслит не особая „душа“..., а самое *тело человека*» [1]. Мышление есть действие модуса протяжения — трудно вообразить себе что-либо менее приемлемое для Спинозы. Тот не раз и не два открытым текстом писал: *res cogitans* — это определение души, а не тела.

«Человеческую душу мы назвали мыслящей вещью (*Mentem humanam diximus esse rem cogitantem*), откуда следует, что благодаря своей природе и рассматриваемая сама по себе она может совершать нечто, именно мыслить, т.е. утверждать и отрицать» [2].

Мыслит в человеке душа, причем мыслит она благодаря своей природе. На том стоит Спиноза. Тело — лишь первый, непосредственный объект восприятия души, но ни в коем случае не субъект мышления. Выражение «мыслящее тело» не более чем словесная химера, равно как и «телесная мысль».

С тем, что ильенковский «Спиноза» неадекватен, скрепя сердце согласился и самый энергичный защитник «мыслящего тела» Л.К. Науменко. «Положим, что словесное расхождение между Ильенковым и Спинозой — бесспорный факт», — пишет он, — что с того? За мертвую букву текста пусть держится «поклоняющийся факту историк», а мы с Ильенковым проникаем в «смыслы». У «буквального» Спинозы Науменко находит уйму «противоречий и несуразностей» — однако в том нет вины самого мыслителя, «вина лежит на его эпохе». Пусть Спиноза сколько угодно твердит, что *res cogitans* — это человеческая душа. Смысл его «букв» ровно обратный: мыслит не душа — тело! «Оно только тело, просто тело... Исходя из *просто тела*, мы худо-бедно все-таки продвинемся к пониманию мышления и души, а вот исходя из души как *идеи тела*, мы не продвинемся к нашей цели ни на миллиметр. Нет тела — нет и идеи» [3].

Где-то мне встречалось уже это «только тело, просто тело»... Ну да, так говорил Заратустра. «Пробудившийся, знающий, говорит: *я — тело, только тело*, и ничто больше; а душа есть только слово для чего-то в теле» [4]. Слово «я» — это местоимение, «нечто (*res*), имеющее место», а местом души является мое тело. Так говорил Науменко.

Тот ницшевский фрагмент приводит и Дэниел Деннет, разъясняя, *для чего* в теле «душа есть только слово». Тело хранит в себе мудрость эволюции — информацию о характере жизнедеятельности того или иного живого существа, к примеру китовый ус, крыло птицы, кожа хамелеона. Для такой «воплощенной в теле информации» (*embodied information*) и есть у Деннета слово «душа» (*mind*).

«Эта информация организована таким образом, что может иногда казаться чем-то относительно самостоятельным, что проводит различия, учитывает предпочтения, принимает решения, предпринимает меры, соперничая в этом с *вашим* сознанием» [5].

Из текста не вполне ясно, исчисляется ли «ментальная» информация в битах и чем она отличается от информации, «воплощенной в теле» компьютера. Отличие наверняка есть, ибо «душа компьютера» не числится в книге среди «*kinds of minds*». Нет, душа у Деннета — это какая-то *очень особая информация*, совсем не та, о коей

пресно повествуют учебники информатики. Та не умеет «проводить различия» и «принимать решения», как ее ни организуй...

Разумеется, без тела нет души, но ее также нет и без внешнего мира; и без других идей души тоже не бывает. Разве из этого вытекает, что мыслит «просто тело», а не душа?

Спиноза отлично понимал, что в процессе мышления тело принимает самое деятельное участие. Опыт учит нас, что если тело бездействует, то и душа неспособна к мышлению: когда тело покоится во сне, вместе с ним спит и душа и не имеет способности мыслить — говорится в «Этике» [Eth2 pr2 sch]. Органическое тело со множеством степеней свободы движений и высокоразвитым мозгом образует *необходимую предпосылку* мышления. Не нужно быть Спинозой, чтобы это понять. Сей медицинский факт недалеко нас «продвинул». Из него не вычитаешь ответа на вопрос: тело — это *субъект* или же только *орган* мышления? Мыслит в человеке само его тело или посредством тела — душа?

Представим себе Архимеда, который задумался над какой-нибудь теоремой. Тело его при этом дышит, вырабатывает разные вещества и чертит рукою круги на песке. Вряд ли мы назовем эти действия тела «мыслями», однако, мысль в них безусловно *присутствует*. Мысли Архимеда *выражаются* в движениях рук и нервных клеток, в складках на лбу и в линиях на песке. Тело выступает тут в роли своеобразного «медиума», движения его рук и головы направляются чем-то иным, неким отличным от этого тела «субъектом». И предсмертные слова математика — «не трогай мои круги» — продиктованы, конечно, не телом. Скорее, вопреки телу, — душой.

Между прочим, Ильенков-то сам не считал, что мыслит тело. Так утверждали его оппоненты. Это у них *тело* думает и мечтает, печалится и сомневается, любит и любителю... Ильенков был страшно далек от такого рода соматической философии. В человеке он видел не «мыслящее тело», но «ансамбль общественных отношений» (выражение Маркса: *das ensemble der gesellschaftlichen Verhältnisse*), которые лишь *воплощаются* в теле и душе особи рода homo.

Отчего же Науменко и другие «староильенковцы» утверждают, что Учитель, променяв душу на тело, улучшил спинозовскую теорию мышления — двинул ее вперед, к Марксу? На самом деле «мыслящее тело» двинуло ее *назад*, к Гоббсу и Гассенди. В своих Возражениях на Декартовы «Размышления» эти два материалиста дружно доказывали, что субъектом мышления является тело: «Мыслящая вещь есть нечто телесное» [6]. Почерпнутой у Гоббса аналогией между мышлением и ходьбой Ильенков, ничтоже сумняшеся, пояснял читателям и взгляды Спинозы.

Res cogitans — любимый термин Декарта, от него и перешел по наследству к Спинозе. «Мышление» (*cogitatio*) у Декарта охватывает все, что мы «непосредственно осознаём» (*immediate conscimus*): все действия воли, интеллекта, воображения и чувств суть *мысли* (*cogitationes*) [7]. Мышление, стало быть, нацело совпадает с сознанием. Так обстоит дело и в обычном словоупотреблении. Люди привыкли именовать «мыслями» любые фрагменты собственного «потока сознания».

Спиноза подходит к определению мышления более осмотрительно. Следует ли считать «мыслями» образы внешних чувств и ощущения собственного тела, такие как: голод, сонливость, головная боль? Нет, все без исключения чувственные образы — это «состояния тела» (*corporis affectiones*), а не души [Eth2 pr17 sch]. Счесть такие образы «мыслями» означало бы смешать идеальное и физическое, природу души и тела. Для Спинозы «мыслить» (*cogitare*) значит создавать и приобретать *идеи*, а не просто «сознавать» (*conscire*), воспринимать что угодно и каким угодно способом.

Идеи суть модусы мышления, а образы чувств — модусы протяжения, потому между ними «следует делать тщательное различие», предостерегает Спиноза. «Идея (модус мышления) не состоит ни в образе какой-либо вещи, ни в словах, ибо суще-

ность слов и образов составляется из одних только телесных движений, никоим образом не заключающих в себе понятия мышления» [Eth2 pr49 sch].

Яснее не скажешь. А у псевдо-Спинозы из очерка второго «Диалектической логики» все разговоры про то, как из «телесных движений» рождаются модусы мышления — идеи, да еще и «адекватные»...

Добывать идеи и оперировать ими, мыслить — это непросто даже для человека *труд*. Ну а образы без труда создают и животные. Те и действуют всегда на основе образов внешнего мира, меж тем как «вещь мыслящая» действует на основе *знаний о причинах вещей*. Такие знания Спиноза и называет «идеями». Образ выражает свой предмет в формах пространства и времени, а идея — в категориях причины и следствия, «под формой вечности».

Спиноза учит нас ясно различать в своем сознании идеи и образы, ни в коем случае их не смешивая. Ровно то же самое доказывал в «Диалектике идеального» Ильенков: нельзя, неверно записывать в категорию идеального все без разбора содержимое человеческого сознания. Идеи, в отличие от «чувственно воспринимаемых индивидом единичных вещей», универсальны и общезначимы, как «нечто стоящее над индивидуальной психикой и совершенно от нее не зависящее» [8].

Мыслящая душа сама является идеей — согласно Спинозе, это идея человеческого тела. Наше тело — своего рода «линза», через посредство которой душа воспринимает внешний мир. Преимущество человеческой души перед прочими он усматривает в структуре человеческого тела — так сказать, в конструкции «линзы», которой пользуется наша душа для созерцания внешнего мира. «Тела людей способны весьма ко многому», — не устает повторять Спиноза. Потому и души их способны воспринимать многое: границы человеческого познания совпадают с радиусом сферы действий тела.

Человеческое тело, однако, действует не само по себе, а в качестве части гораздо более обширного и мощного «квази-тела» — общества. Спиноза, похоже, догадывался об этом: в главе III «Богословско-политического трактата» писал, что люди должны «направить силы всех на одно как бы тело (*quasi corpus*), а именно — общество». Это коллективное тело обладает и собственным духом, частицами которого являюся наши мыслящие души. Строеие общественного тела и духа мы описываем словом «культура». В ней-то и надлежит искать истоки всех наших идей и самой способности мыслить. К такому выводу пришел в прошлом столетии психолог-спинозист, родоначальник культурно-исторической школы Л.С. Выготский [9].

Двойственность содержимого человеческого сознания обусловлена тем, что душа, психика, является слугой двух господ и выполняет двоякого рода работу: обслуживает и жизнедеятельность органического тела человека, и «культурную» жизнь общества. За проделанную работу тело расплачивается с душой *образами*, ну а общество — *идеями*. К категории идей, «мыслей» относятся всеобщие нормы культуры: правила и схемы общественного быта, языка, морали, права, религии и т.д., — искусственно «вращиваемые» (термин Выготского) в психику ребенка стараниями окружающих людей, общества.

Органическая чувственность (пространственные образы, звуки, запахи и вкусы) служит для ориентации живого существа во внешнем природном мире с его пространственно-временными «контурами». Для ориентации в мире культуры, даже в «китайской комнате», этого уже недостаточно. Любая вещь имеет тут особое *общественное* значение, для восприятия которого требуются высшая, *идеальная* психическая функция — сознание.

Сознание есть форма общения человека с себе подобными существами. Лишаясь кислорода человеческого общения, одинокое сознание раздваивается, пытаясь симулировать процессы общения, расстраивается и угасает.

Поскольку субъект сознания, душа, есть «идея тела», поскольку в круг сознания попадают и обыкновенные, «телесные» образы чувств. Мы не только *чувствуем* боль, сытость или половое влечение, но также и *сознаём* их — по крайней мере, можем осознать и выражать в идеальных формах. Эти чувственные образы, в свою очередь, могут встраиваться в культурные формы деятельности, пропитываясь идеальным содержанием (таков принцип работы «продуктивного воображения», фантазии). В результате становится чрезвычайно сложно отделить в собственном сознании образы от идей. Отсюда проистекает вся трудность философской «проблемы идеального».

Простейшее решение этой проблемы предлагает *соматический материализм*: идеальное является свойством живого тела, «просто тела».

«Чтобы убедиться в наличии сознания, достаточно себя ущипнуть», — пишет Джон Сёрл. Конечно, если «сознанием» именовать первое попавшееся ощущение в собственном теле, то сознание легко отыщется и у животных — окажется «фенотипом биологической эволюции наряду с фотосинтезом, пищеварением или делением клетки» [10].

Доказав с помощью щипка «факт сознания», Сёрл спрашивает себя, не сообщить ли о проделанном опыте в философский журнал? На эту шутку читатель вправе ответить не менее веским доказательством своего сознания — смехом. Сёрл, наверное, сочтет смех читателя и зуд от щипка одного поля «фенотипами», однако, разница все же есть: насмешка щиплет *не тело, а душу* «объекта» (хотя у некоторых и уши краснеют). Реакция души бывает разной: стыд, гнев, обида или смех в ответ — в зависимости от усвоенной ею *культуры*. Реакция же тел на щипок практически одинакова.

По счастью, Сёрл не стал пробовать вывести смех или стыд, «наряду с пищеварением», из биологической эволюции тела, честно признавшись, что не знает, «как исследовать структуру социальной составляющей в индивидуальном сознании», и что общество является для него «упущенной темой» (*neglected topic*) [11]. Сознание как идеальная форма деятельности *общественного, культурного существа* остается за порогом его понимания.

Несколько лет спустя Сёрл попробует подобраться к теме общества с тыла, «ассимилировав социальную реальность» в естественные науки [12]. Та натурализованная «социальность» походит на реальное общество не больше, чем «китайская комната» на Гайд-парк.

Деннет, не в пример Сёрлу, отличает сознание от инстинктивной «мудрости тела», ответственной за щипки. «Старая „телесная“ психика на протяжении миллиардов лет выполняла тяжелую работу по жизнеобеспечению тела, но она действует относительно медленно и обладает довольно грубой способностью различения... Для более сложных контактов с миром требуется более быстрая и дальновидная психика, способная продуцировать большее и лучшее будущее» [13].

Структурную особенность сознания Деннет усматривает в том, что оно использует внешний мир как периферийное устройство (*peripheral device*) хранения информации. Наше сознание не ограничивается мозгом, констатирует Деннет. Люди имеют обыкновение выгружать (*offload*) и выталкивать (*extrude*) свою психику в окружающий мир, эта практика и снимает ограничения нашего животного мозга [14].

Тут Деннет вплотную приблизился к Марксовой идее «неорганического тела» человека и пониманию предметов культуры как «созданных человеческой рукой органов человеческого мозга» (Маркс). Еще шаг-другой — и велосипед мог быть изобретен заново...

Настоящей субстанцией и субъектом сознания является не органическое тело человека со всей его нейронной «биомудростью», а наше второе — рукотворное, искусственное «тело» культуры. Если старая «телесная» психика обслуживает потребности индивидуальной органики, то работу сознания направляет и организует общество. Смех и стыд, честность и лживость, зависть и совесть — все это *социальные*

качества человеческой личности. Они удовлетворяют культурные потребности общества, частицей которого эта личность является, и не имеют равным счетом ничего общего с нуждами «просто тела».

Общество есть особый вид связи живых существ: не напрямую, как у животных, а через посредство создаваемых трудом полезных вещей. «Сама эта вещь есть *предметное человеческое* отношение к самой себе и к человеку, и наоборот... Этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете» [15].

Предметы культуры образуют не «периферию» сознания, как думает Деннет, а напротив — его основу, субстанцию, «геном» сознания. В процессе труда человек практически любую вещь или природный процесс может превратить в культурную «хромосому», хранящую в себе информацию о характере его мышления и поведения. Всякий раз, как трудящийся человек «выгружает» свои идеи в окружающий мир, делая их доступными для других людей, усовершенствуется культурный «генотип» всего вида *homo sapiens*.

В списке «условий присутствия личности» [16] у Деннета отсутствует главное: указание на *конкретное целое*, которое формирует личность, — на человеческое общество. Индивидуальная душа превращается в «личность», вступая в человеческие (= общественные) отношения с другими людьми. Личность рождается на свет в тот самый миг, когда ребенок совершает свой первый *общественно значимый* поступок — продиктованный не телом или природной психикой, а теми *нормами культуры*, что приняты в человеческом обществе. Потому и величина, масштаб личности измеряется культурной ценностью ее деяний. Параметры же тела, «просто тела», имеют значение лишь постольку, поскольку служат зеркалом, отражающим личность человека, и инструментом «ансамбля общественных отношений».

Общественную природу сознания исследовал еще Сократ. В фокус сократовской мысли попадает ключевой факт сознания — присутствие в душе человека «другого я», альтер эго. Сократ называл его своим персональным божеством, «демоном», стоящим на страже добродетели. Нравственное отношение предполагает особое раздвоение сознания и взаимную рефлексию моего я и я «другого», во мне обитающего. Само слово «сознание» (равно как и его предки — греч. *syneidos* и лат. *conscientia*) указывает на совместность знания. *Сознание есть мысль, разделяемая с другим*. Мое «другое я» есть равнодействующая общественных сил, сформировавших мое сознание и продолжающих вести свои диалоги внутри него/меня.

Для соматической философии эти силы культуры — терра инкогнита, их никакими стараниями не выведешь из структуры тела. Ограничивая изучение сознания телом, философ сам оказывается в положении англичанина, запертого в китайской комнате. Ему доступны лишь телесные «фенотипы» сознания — иероглифы, идеальный смысл которых невозможно понять из них самих. Смысл их продиктован «*демонами культуры*», которые не видны за китайской стеной «телесности». Для философов *тѐла*, просто тела, общественная природа сознания всегда была и навсегда останется «упущенной темой».

Литература:

1. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1974. С. 22.
2. Спиноза Б. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. С. 519. См. также: Т. 1. С. 402, 314, 311.
3. Науменко Л.К. В контексте мировой философии // Эвальд Васильевич Ильенков. М.: Росспэн, 2008. С. 67—68.

4. Ницше Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 24. (Курсив мой. — А.М.)
5. Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004. С. 86.
6. Гоббс: «... Rem cogitantem esse corporeum quid» (Objectiones Tertiae). См. в кн.: Декарт Р. Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 136.
7. Там же. С. 127.
8. Ильенков Э.В. Диалектика идеального // Логос. 2009. № 1. С. 10.
9. См. мою статью: Выготский — Спиноза. Диалог сквозь столетия // Вопросы философии. 2008. № 10. С. 116—127.
10. См.: Searle John R. The Rediscovery of the Mind. London: MIT Press, 1992. P. 90.
11. «The second neglected topic is society... But I do not yet know... how to analyze the structure of the social element in individual consciousness» (Ibid. P. 127—128).
12. «Our aim is to assimilate social reality to our basic ontology of physics, chemistry, and biology» (Searle John R. The Construction of Social Reality. N.-Y.: Free Press, 1995. P. 34).
13. Деннет Д. Виды психики. С. 87.
14. «The primary source, I want to suggest, is our habit of offloading as much as possible of our cognitive tasks into the environment itself — extruding our minds (that is, our mental projects and activities) into the surrounding world, where a host of peripheral devices we construct can store, process, and re-represent our meanings, streamlining, enhancing, and protecting the processes of transformation that are our thinking. This widespread practice of off-loading releases us from the limitations of our animal brains» (Dennett Daniel C. Kinds of Minds. Toward an Understanding of Consciousness. N.-Y.: Basic Books, 1997. P. 134—135).
15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955—1981. Т. 42. С. 121.
16. Заглавие одной статьи Деннета: Conditions of Personhood, in A. Rorty (ed.), The Identities of Persons. Berkeley: University of California Press, 1976. P. 175—196.